

Принципы войны в «Истории» Фукидида

Мишури́н А.Н., Институт философии РАН
a.n.mishurin@iph.ras.ru

Аннотация: В данной статье автор пытается прояснить принципы войны, изложенные Фукидидом в его труде «История». Как известно, труд Фукидида является «вечным достоянием», вышедшим из максимально масштабной войны, т.е. войны, которая, по мнению Фукидида, отразила весь потенциал вооруженного противостояния между людьми и связанных с ним форм человеческой деятельности. Отталкиваясь от концепции войны как деления людей на друзей и врагов, «своих» и «чужих», автор, вслед за Фукидидом, приводит четыре принципа деления людей. Три из них ясно сменяют друг друга по мере хода Пелопоннесской войны: от кровного деления к партийному, от партийного деления к делению, основанному на могуществе или силе. Четвертый же принцип, который можно именовать естественным, или природным, потенциально укоренен в форме самого изложения, т.е. в том делении людей, которое присутствует в истории.

Ключевые слова: Фукидид, политическая философия, война, Карл Шмитт, демократия

Введение

Для всякого, кто изучает основания политической философии, труд Фукидида представляется первым полноценным источником. Хотя до сих пор не утихают споры о том, стоит ли считать Фукидида политическим философом или все же принимать его за историка¹. Стоит ли полагать его наследником и продолжателем школы софистической политической мысли или ставить его мысль ближе к сократической части классической политической философии². Стоит ли называть его политическим реалистом, основателем и предтечей политического реализма или все же нет³. Одно остается ясным: Фукидид первым создал труд, касающийся как политического как такового, так и политического в природе человека. И сделал он это не в рамках отвлеченного размышления, но в прямой связи с историческими событиями. К тому же Фукидид оказывается первым среди политических мыслителей, кто открыто заявил об амбициях создать нечто нетленное («вечное достояние»)⁴.

¹См. Marcotte-Chenard S. What can we learn from political history? Leo Strauss and Raymond Aron, readers of Thucydides. The review of politics, 2018, no. 80, pp. 57-86. doi: 10.1017/S0034670517000778. Ober J. Thucydides and the invention of political science. Brill's companion to Thucydides, Boston, VSP, 2006. pp. 131-159.

²См. Crane G. Thucydides and the ancient simplicity. California, University of California press, 1998. 330 p.

³См. McQueen A. Political realism and the realist «Tradition». Critical review of international, social and political philosophy, 2017, vol. 20, no 3, pp. 296-313. doi: 10.1080/13698230.2017.1293914.

⁴ Фукидид. История. I, 22, 4. Ср. Макиавелли Н. Государь. Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Москва, АСТ, 2004. с. 58.

Труд Фукидида действительно раскрывает несколько «вечных» тем политической философии. Он описывает основные черты империализма⁵, дает несколько уровней представления о том, чем является прогресс, раскрывает человеческую природу и связанную с ней «природу» политического порядка, касается вопроса столкновения двух возможных образов жизни (демократического/морского, олигархического/сухопутного)⁶, демонстрирует и раскрывает два основных мотива всякого политического действия (страх и надежду)⁷. Столь конкретный, но все же всеобъемлющий набор предметов исследования в труде Фукидида сам по себе склоняет к некоему более узкому выбору, который бы позволил попытаться отчасти раскрыть в рамках одной статьи хотя бы один из них. И в этом выборе, возможно, следует положиться на требования, выдвигаемые новой политической ситуацией, т.е. на актуализирующий мысль Фукидида фактор, коим выступают современные политические процессы, в частности возобновившийся процесс противостояния двух подходов к пониманию правильного политического порядка⁸. И подобный выбор нельзя назвать бесосновательным, в конце концов, сам Фукидид говорит, что описанная им война является самой масштабной войной в истории⁹: войной, которая может повториться, но не может быть превзойдена, ибо она полностью раскрыла потенциал человеческого противостояния. Говоря о масштабах описываемой им Пелопоннесской войны, Фукидид доказывает ее непревзойденность, опираясь на параметры: а) скорости технического прогресса, б) количества затронутых ею людей и народов, в) уровня эскалации жестокости, г) эволюции принципов войны, д) количества перенесенных ее участниками страданий, е) эволюции политических режимов, ж) роста количества и качества (человечности) выступающих на первый план войны личностей. Все эти параметры так или иначе присутствуют во всех войнах и касаются определенного их прогресса, движения. В данной же статье мы ограничимся попыткой раскрыть лишь один из них – эволюцию принципов войны – хотя несомненно коснемся и некоторых остальных.

Принципы войны

Война предполагает коллективное решение о разделении участвующих в ней сторон на друзей и врагов¹⁰, на «своих» и «чужих», на тех, кто должен быть сохранен, и тех, кто должен быть уничтожен, побежден, поработан¹¹. И хотя данное деление,

⁵См. Romilly J. *Thucydides and Athenian Imperialism*. Oxford, Oxford university press, 1963. 400 p.

⁶ См. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2008. 670 с.

⁷ Ср. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Вебер М. Избранные произведения. Москва, Прогресс, 1990. с. 647. Φόβος καὶ ἐλπίς можно назвать одними из самых разработанных Фукидидом понятий, особенно судя по тому, сколь часто он указывает на них, поясняя действия политических режимов, отдельных личностей и людских масс.

⁸ О том, как Администрация президента США оказалась заинтересована в труде Фукидида см. Schake K. *What causes war?* *Orbis*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 449-462. doi: 10.1016/j.orbis.2017.08.002.

⁹ Фукидид. История. I, 1, 2. Ср. Там же. I, 21, 2-22, 1.

¹⁰ Хотя сказанное и не отрицает того, что, как это будет показано выше, подобное деление скорее будет возникать в сознании конкретного человека, конкретного политического деятеля, нежели в общественном сознании.

¹¹Шмитт К. Понятие политического. Шмитт К. Понятие политического. Санкт-Петербург, Наука, 2016. с. 293-356.

приводимое в силу решением, может быть любым, т.е. является произвольным, принципы его таковыми быть не могут. Напротив, если следовать логике Фукидида, их число оказывается строго ограниченным. При этом нельзя сказать, что данные принципы не могут существовать одновременно в разных обществах, однако в одном конкретном обществе в конкретный момент времени валидным может являться только один принцип деления на друзей и врагов. И, если следовать мысли самого Фукидида, данные принципы внутри конкретного общества имеют вполне ясную эволюционную линию.

Фукидид начинает с начала. Дабы доказать непревзойденность масштабов Пелопоннесской войны, он должен доказать «слабость» знаменитых войн прошлого, а именно, Троянской войны и Персидских войн. В случае Троянской войны, помимо указания на бедность древних¹² и их технологическую отсталость¹³, он также показывает, что поход Агамемнона на самом деле строился по принципу кровного родства – греческие племена в нем ведут войну против негреков. При этом Фукидид разъясняет, что данное деление не было универсальным среди враждующих между собой греческих племен: «Мне кажется, что Агамемнон собрал свое войско... потому, что выдавался над современниками своим могуществом... Он значительно превосходил всех прочих морскими силами и потому собрал войско в поход не столько вследствие расположения к себе, сколько действуя страхом»¹⁴. В случае Персидских войн этот принцип все еще оставался действенным, хотя и претерпел изменения. Теперь греки получили единое имя – эллины¹⁵, как и негреки, ставшие варварами¹⁶. Данный принцип деления людей на основании кровного или племенного родства появляется и преодолевается первым. Впрочем, как уже было сказано, это не значит, что он перестает быть валидным. Просто, в рамках Пелопоннесской войны, его использование оказывается для основных воюющих сторон не более чем предлогом. Это особенно хорошо видно на примерах начала первой части войны (Архидамовой войны), когда коринфяне используют кровное родство с эпидамнянами ради того, чтобы отомстить другим своим кровным родственникам, керкирянам¹⁷. Эпидамняне, как и керкиряне, связаны с Коринфом кровью на двух уровнях: как представители одной и той же народности (дорийцы) и как «дети» своей метрополии¹⁸. В начале же второй части войны (Декелейской войны) афиняне пользуются предлогом кровного родства с эгестянами и другими сицилийскими поселенцами для захвата Сицилии¹⁹. Некоторые же участники войны продолжают считать данный принцип деления людей на друзей и врагов валидным даже в ее середине. Так, мелияне удивляются, почему афиняне не

¹² Фукидид. История. I, 2, 2; 3, 1-4; 8, 3-4; 11, 1; 12, 1.

¹³ Там же. I, 13, 4; 18, 3; 19, 1

¹⁴ Там же. I, 9, 1-3.

¹⁵ Там же. I, 3, 2-4. Ср. Там же. I, 95, 1.

¹⁶ Там же. I, 6, 1 и 6.

¹⁷ Там же. I, 24, 1; 25, 3.

¹⁸ Отчасти ненависть коринфян к керкирянам была вызвана именно тем, что последние, будучи их «детьми», не выражали своей «матери» подобающего уважения. См. Там же. I, 25, 4.

¹⁹ Там же. VI, 6, 1-2. Следует также отметить, что к этому моменту войны ни афиняне, ни эгестяне уже не считали кровное родство валидным принципом деления людей на друзей и врагов.

делят своих союзников на родственников им по крови и прочих²⁰. Да и сами они все еще надеются на помощь со стороны лакедемонян именно «в силу родства»²¹.

И все же принцип деления людей на основании кровного родства преодолевается основными участниками Пелопоннесской войны – Спартой и Афинами – еще до ее начала. Преодолевается сначала не в общественном сознании этих полисов, но в сознании отдельных личностей, политиков. Говоря конкретно, это преодоление происходит в сознании двух военных вождей Спарты и Афин времен Персидских войн – спартанского царя Павсания и афинского стратега Фемистокла. Отстраненный от командования эллинами в связи с тираническим поведением Павсаний²², по словам самого Фукидида, хотел «завести тайные сношения с царем... стремясь к власти над всей Элладой»²³. Павсаний таким образом больше не видел в эллинах или даже лакедемонянах, ранее уже осудивших его, союзников, но считал таковыми персов, т.е. варваров. Павсаний предает своих соплеменников ради достижения господства над ними. Он также готов предать и собственного доверенного, обманывая его²⁴. Так Павсаний оказывается человеком, заботящимся не о своей стране, но о собственной власти (т.е. непатриотом), лжецом и предателем дела эллинов. Его афинский товарищ Фемистокл описан Фукидидом похожим образом. Фемистокл обманывает лакедемонян (т.е. других эллинов), дабы позволить афинянам окружить свой город стенами²⁵. Он также предает свой город ради собственного благополучия и работает против него и всей Эллады, перебегая на службу к персидскому царю²⁶.

В общем же и целом Фукидид демонстрирует, что принцип деления людей на основании кровного родства начинает терять свою силу в афинском общественном сознании вместе с рождением Афинской империи, т.е. как только афиняне получают гегемонию по желанию спартанцев, стремившихся «избавиться от тягостей войны с персами»²⁷ и союзников, «вследствие их ненависти к Павсанию»²⁸. С появлением в Элладе двух империй – «старой» Спартанской и новой Афинской²⁹ – при условии ослабления угрозы со стороны варварской Персии, между ними начинает нарастать неразрешимый конфликт³⁰. Вместе с ним приходит и новый принцип деления людей – партийный.

²⁰ Там же. V, 96.

²¹ Там же. V, 104; 106; 108. Афиняне, отвечая на эту реплику мелиян, смело отбрасывают данный мотив помощи со стороны лакедемонян. См. Там же. V, 105, 3-4; 107; 109.

²² Там же. I, 94, 1-95, 5.

²³ Там же. I, 128, 3.

²⁴ Там же. I, 132, 5.

²⁵ Там же. I, 90, 3-91, 4.

²⁶ Там же. I, 135, 2-138, 3. Попытки сделать своими союзниками персов, да и вообще всяких варваров, будут предприняты и Афинами, и Спартой вместе с началом Пелопоннесской войны. См. Там же. II, 7, 1; 29, 5-7.

²⁷ Там же. I, 95, 7.

²⁸ Там же. I, 96, 1.

²⁹ См. Strauss L. On Thucydides' war of the Peloponnesians and the Athenians. Strauss L. The city and man. Chicago. The University of Chicago Press, 1978. pp. 139-241.

³⁰ Фукидид. История. I, 18, 2-19. Пелопоннесская война – не первая война между этими двумя полисами (См. Там же. I, 115), но она – последняя.

Пелопоннесская война начинается именно как гражданское противостояние между партиями олигархов и демократов в Эпидамне³¹. По сути же своей она будет представлять (в первой своей половине) внутригреческую войну между олигархической (Пелопоннесским союзом, возглавляемым Спартой) и демократической (Афинским морским союзом, находящимся под контролем Афин) партиями³². Характеризуя каждую из них посредством описания их архетипов – Афин и Спарты, Фукидид, по сути, описывает различие между двумя подходами к пониманию правильного политического порядка, двумя образами жизни, обусловленными материальным состоянием, культурой и международным положением каждого из этих полисов. Характеристику демократии впервые ясно, хотя и преувеличенно, дают, описывая менталитет афинян, стремящиеся к войне коринфяне³³. Дабы подтолкнуть спартанцев к противостоянию, они до предела заостряют различия между спартанцами и афинянами. Последние при этом оказываются наглы³⁴, агрессивны³⁵, хитроумны³⁶, инновационны³⁷, инициативны³⁸, скоры на риск³⁹, патриотичны⁴⁰, но, главное, полны чрезмерно оптимистичных надежд⁴¹. Столь лестная характеристика демократии с точки зрения самого Фукидида оказывается одновременно и правдивой, и неадекватной.

Демократия в противопоставление олигархии действительно кажется «наглой» и агрессивной, полной надежд. Причиной этому служит тот факт, что у нее нет серьезных внутренних врагов. Или, выражаясь иначе, большинство в любом полисе является сторонником демократии. Полные же внутренних противоречий олигархии оказываются куда более пассивными, а основным мотивом их действий выступает не надежда, но страх⁴². Однако именно эти ничем не умеренные надежда и оптимизм ведут демократию к краху в рамках экспансионистской политики⁴³. Эта же несдержанная надежда могла погубить афинян еще в начале войны. Ибо Архидам, идущий с войском разорять Аттику, рассчитывал именно на то, что афиняне, понадеявшись на свои силы, не станут терпеть разорения собственных полей и дадут лакедемонянам наземную битву⁴⁴. И он не ошибался: если бы не усилия по сдерживанию народа со стороны Перикла, афиняне решились бы на гибельное сражение с лакедемонянами.

³¹ Там же. I, 24, 1-6.

³² Ср. Там же. II, 11, 9.

³³ Там же. I, 119.

³⁴ Там же. I, 68, 2.

³⁵ Там же. I, 68, 3.

³⁶ Там же. I, 69, 2.

³⁷ Там же. I, 70, 1; 71, 3.

³⁸ Там же. I, 70, 2.

³⁹ Там же. I, 70, 3.

⁴⁰ Там же. I, 70, 6.

⁴¹ Там же. I, 70, 3 и 7.

⁴² Олигархия, как и тирания, крайне ограничена внутренними распрями и обеспечением безопасности строя. См. как Фукидид говорит об этом от собственного имени (Там же. I, 33, 5. Ср. I, 17), ср. это с речью Афинагора в Сиракузах (Там же. VI, 38, 3).

⁴³ Ср. итоги Пелопоннесской войны с описанием афинской экспедиции в Египет (Там же. I, 104 и 110).

⁴⁴ Ср. цель Архидам (Там же. II, 11, 4 и 6) с замечаниями самого Фукидида (Там же. II, 20, 2-5) и реакцией афинян (Там же. II, 21, 2).

Инициативность и скорость принятия решений афинянами, доказываемые ими сразу после речи коринфян⁴⁵, также оказываются скорее слабостью демократии, нежели ее силой. Народное собрание слишком быстро принимает решения, находясь под влиянием момента или эмоций. И слишком часто меняет их, как только влияние момента или эмоций слабеет⁴⁶. Эта черта демократии, легко связываемая с чрезмерными надеждами, делает ее крайне уязвимой для влияния со стороны демагогов, распалаяющих народные чаяния⁴⁷. Что, в свою очередь, напрямую связывает демократию и войну: демагоги не существуют, они не могут возвыситься иначе чем через обещания гегемонии и господства⁴⁸, т.е. воплощения неумеренных народных надежд. Вот почему, по словам самого Фукидида, демократия была успешной до тех пор, пока была такой только по названию⁴⁹, но встала на путь к краху, как только править в Афинах действительно начал народ⁵⁰. Патриотизм афинян в таком случае оказывается результатом смещения собственных интересов с интересами города, т.е. надеждами на обогащение и приобретение славы за счет побед и подчинения других городов⁵¹.

Говоря о качествах афинского демократического режима, коринфяне не упоминают нескольких из них, которые впоследствии выделяет сам Фукидид. Первым таковым качеством можно считать неистощимость ресурсов демократии⁵². Не имеющая серьезных внутренних врагов демократия практически не тратит ресурсов на борьбу с ними и потому оказывается крайне богатой материальными средствами, людьми и союзниками⁵³, которые и должны обеспечить ей победу в войне. (При этом важным фактором богатства и многолюдства Афин могут считаться именно союзники, отделение которых станет успешной стратегией войны.)⁵⁴ Коринфяне не упоминают этого качества демократии, так как знают, что спартанцы бедны и малочисленны, а значит скорее откажутся от войны, чем пойдут на нее, услышав такое сравнение Спарты и Афин.

Вторым неназванным коринфянами качеством демократии является религиозность. Рост религиозности в Афинах Фукидид прослеживает от сдерживающего народ Перикла⁵⁵ к радикальной демократии времен сицилийской

⁴⁵ См. Там же. I, 72, 49.

⁴⁶ Ср. поведение афинской молодежи в осаде (Там же. II, 20, 2-22, 1) и поведение афинского собрания после сдачи митиленян (Там же. III, 36, 2-5). См. Речь Клеона (Там же. III, 37, 2-3).

⁴⁷ См. Там же. II, 65, 9-10.

⁴⁸ Три основных афинских демагога, рассматриваемых Фукидидом, – Перикл, Клеон и Алкивиад – подталкивают Афины к войне. Перикл выступает за войну со спартанцами (См. Там же. I, 127, 3. Ср. с первым упоминанием Перикла в связи с империалистской политикой Афин. Там же. I, 111, 2; 114, 3), Клеон становится главой военной партии Афин (См. его характеристику, данную Фукидидом. Там же. V, 16, 1), Алкивиад обещает афинянам покорение Сицилии, подразумевая покорение Карфагена и всего остального мира (См. Там же. VI, 15, 2. Ср. VI, 90, 2-3).

⁴⁹ О симпатиях Фукидида к более умеренному строю см. Там же. VIII, 97.

⁵⁰ Об этом Фукидид говорит прямо от своего имени. Там же. II, 65, 10.

⁵¹ См. Там же. VI, 24, 3.

⁵² Об этом Фукидид говорит прямо от своего имени. Там же. II, 65, 12-13.

⁵³ Ср. речь Архидамы о состоянии Спарты на момент начала войны (Там же. I, 80, 3) с речью Перикла о состоянии Афин на момент начала войны (Там же. I, 140-144).

⁵⁴ Фактически все успехи Брасида связаны не с военными победами над афинянами, но с отделением от них их союзников. См. Там же. IV, 108, 1-3.

⁵⁵ Ср. Там же. II, 12, 2; 22, 1; 59, 1-2 с II, 65, 3-9.

экспедиции. В начале войны народ считает приемлемыми и одобряет даже самые нечестивые предложения своего вождя⁵⁶. В конце же войны гибельное для демократии решение отозвать Алкивиада с Сицилии в Афины для суда оказывается результатом религиозной истерии⁵⁷. Алкивиад обвиняется в повреждении герм – изваяний бога Гермеса, бога демократов⁵⁸. Это нераскрытое⁵⁹ и, возможно, вообще не связанное с Алкивиадом преступление становится основанием для его преследования⁶⁰. Едва ли коринфяне смогли бы убедить спартанцев, что те являются менее благочестивыми, нежели афиняне⁶¹.

Третьим неназванным коринфянами, но отраженным Фукидидом качеством демократии, отличающим ее от олигархии, является ее способность поставлять активных участников истории. За всю войну Спарта дала лишь двух достойных рассмотрения людей: Архидама и Брасида⁶². Афинский же строй за эту войну смог выставить Перикла, Клеона, Алкивиада, Никия и Демосфена.

Партийный принцип деления людей на «своих» и «чужих» почти мгновенно приводит воюющие стороны к поиску союзников среди варваров⁶³ и поддержке в остальных полисах соответствующих партий. Этот же принцип деления людей начинает все более проявляться внутри греческих городов, оборачиваясь все более ожесточающейся гражданской войной. Но именно она оказывается тем материалом, который позволяет Фукидиду раскрыть сущность человеческой природы. Говоря о человечности – т.е. о соответствии человеческой природе – как сумме природных качеств и стремлений, он отмечает, что, человеческая природа куда яснее проявляется в рамках войны, чем в рамках мира, в движении, чем в покое⁶⁴. Это связано с тем, что в миру, в цивилизованном обществе, проявления природы сдерживаются искусственно созданными ограничениями – в первую очередь законами и религией⁶⁵, без которых цивилизованное общество не возможно вовсе. Однако следование им обусловлено

⁵⁶ Там же. II, 13, 4-5.

⁵⁷ Подробнее об изуродовании герм см. Osborne, R. The erection and mutilation of the hermai. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, 1985, vol. 31. pp. 47-73. doi:10.1017/S0068673500004752.

⁵⁸ Фукидид прямо говорит о связи герм и демократии (Фукидид. История. VI, 28, 2). Об этом подробнее см. QuinnJ. Herms, kouroi and the political anatomy of Athens. *GreeceandRome*, 2007, vol. 54, no. 1, pp. 82-105. doi:

10.1017/S0017383507000058.

⁵⁹ Фукидид. История. VI, 53, 1-2; 60.

⁶⁰ Фукидид намеренно прерывает повествование о расследовании изуродования герм «подлинной» историей тираноборства в Афинах – историей о Гармодии и Аристокитоне (Там же. VI, 53, 3-59, 4. Ср. I, 20, 1-2).

⁶¹ О роли религии в военном деле Спарты см. Ксенофонт. Лакедемонская полития. Санкт-Петербург, Гуманитарная академия, 2014. 224 с.

⁶² При этом Фукидид ясно дает понять, что сомневается в компетенциях Архидама (Фукидид. История. I, 79, 2), в то время как описание поступков и судьбы Брасида вообще может считаться комичным. Ср. эпизод, где спартанец Брасид учит пелопоннессцев, что побеждает тот, у кого больше людей (Там же. II, 87, 6), с эпизодом, где спартанец Брасид «лишается чувств» и теряет свой щит (Там же. IV, 12, 1), с эпизодом, где спартанец Брасид достигает главной своей победы без боя (Там же. IV, 72, 4-73, 3), и эпизодом, где Брасид умирает случайно, в «неправильном сражении», в ходе которого лакедемоняне теряют всего семь человек (Там же. V, 10, 8-11, 2).

⁶³ См. сноску 26.

⁶⁴ Там же. III, 82, 2-3.

⁶⁵ Ср. описание природы человека с описанием последствий чумы в Афинах для афинского общества. Там же. II, 51, 4-53 и III, 82, 6-7; 83, 1; 84, 2.

природным стремлением к большему, ибо они пытаются выступать гарантом обретения большего в будущем. Природа человека, заключающаяся в «жажде власти, корыстолюбии и честолюбии»⁶⁶, может быть подчинена при условии собственного воплощения внутри цивилизованной жизни⁶⁷. Это подчинение является результатом веры в обещание, либо возможности безопасного накопления денег, власти и славы, либо их обретения в результате божественной благодати, т.е. оно напрямую зависит от веры в действенность человеческих и божественных законов. Как только эта вера слабеет, люди перестают ставить будущее выше настоящего⁶⁸ и начинают пытаться достичь максимума возможного, не откладывая на потом⁶⁹. Если осознание недействительности и недейственности законов людских и божественных становится всеобщим, общество гибнет⁷⁰. Однако в любом обществе должна существовать прослойка людей, ориентирующихся не на законы, но на природу. То же самое можно наблюдать и на уровне государств и союзов.

Познание вечной и неизменной природы⁷¹ делает возможным появление последнего принципа деления людей на тех, кто больше отвечает природе и потому находится ближе к естественной цели (более человеческих), и тех, кто отвечает ей в меньшей степени и отстоит от естественной цели дальше (менее человеческих). Партийное деление, являющееся результатом конвенции, а не природы, преодолевается самыми могущественными воюющими государствами: Спартой, Афинами, близко к этому подходят и Сиракузы. Это преодоление не фиксируется четко в случае «старой империи» Спарты, но довольно ясно показано Фукидидом для Афин на примере взятия двух городов – Митилены и Мелоса, разделенных речью первого постпериклианского демагога Клеона⁷². Сдача Митилены афинянам соответствует сдаче Платей спартанцам. Когда Платеи сдаются спартанцам, те, с помощью имитации суда, убивают сдавшихся мужчин, обращают в рабство женщин и сравнивают город с землей⁷³. Когда же в осажденной афинянами Митилене берет власть демократическая партия⁷⁴, то в соответствии с партийным принципом деления, она ожидает помощи от Афин. Однако Клеон, уже преодолевший партийный принцип деления людей, требует казнить всех митиленян, достигших возмужалости, а детей и женщин обратить в рабство⁷⁵. Когда же это требование оказывается невыполненным в первый раз⁷⁶, Клеон впервые ясно выражает новый принцип деления людей на «своих» и «чужих»: принцип силы.

⁶⁶ Там же. III, 82, 8.

⁶⁷ К примеру, цивилизованные греки настоящего куда более богаты, чем варваризированные греки прошлого. Там же. I, 2-3, 1 и 4.

⁶⁸ Т.е. становятся «порочными». Ср. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. II, 1, 21-34.

⁶⁹ О том, сколь быстро освобожденная природа преодолевает писанные и неписанные законы, см. Фукидид. История. III, 82, 6.

⁷⁰ Там же. II, 53, 4.

⁷¹ Там же. III, 82, 1-2.

⁷² Ср. характеристику Клеона, данную Фукидидом при первом его упоминании (Там же. III, 36, 6) и позднее (Там же. IV, 21, 3).

⁷³ Там же. III, 68, 2-3.

⁷⁴ Там же. III, 27, 2-28, 1.

⁷⁵ Там же. III, 36, 2. Ср. III, 36, 6.

⁷⁶ Там же. III, 36, 4.

Клеон прямо разводит силу и право (справедливость)⁷⁷, открыто говоря о том, что, если афиняне хотят продолжить быть сильнейшими, они должны соотноситься не с правом (т.е., в данном случае, с обычаем помогать и защищать других демократов), а с пользой для самих себя, т.е. с интересами своего города, а не партии⁷⁸. Став империей, Афины больше не могут позволить себе иметь равных союзников, теперь все их союзники, как слабейшие, т.е. вне зависимости от их племенной или партийной принадлежности, являются их рабами⁷⁹. Существование Афин теперь – в этой войне – зависит от их могущества, а могущество это во многом зависит от союзников и их поведения⁸⁰. Таким образом «тираническое» отношение Афин к союзникам и иным городам становится в первую очередь результатом абсолютно естественного желания самосохранения⁸¹, которое не оставляет империи иного выбора при обращении с ними. В случае с Митиленой Клеон терпит поражение, однако новый принцип деления людей закрепляется в общественном сознании Афин и торжествует в ходе так называемого «мелоского диалога»⁸²: правление сильнейшего естественно, естественно настолько, что даже боги подчинены этому принципу⁸³. В данном контексте право, справедливость оказывается искусственным, оказывается результатом соглашения двух равноценно сильных сторон⁸⁴. Вследствие чего этот новый принцип деления диктует максимально агрессивную политику Афин. С одной стороны, опасно медлить при подавлении или захвате слабейшего, если это послужит укреплению мощи и выживанию сильнейшего. С другой стороны, невозможно установить факт равенства сил вне борьбы, т.е. нельзя узнать, являются ли силы Спарты и Афин, Сиракуз и Афин, Карфагена и Афин, Персии и Афин равными вне их испытания – вне вооруженного противостояния.

Как уже было сказано, этот новый принцип деления касается трех сторон-участниц Пелопоннесской войны, последней из которых, пусть и не до конца, являются Сиракузы. Сиракузянин Гермократ первым из граждан этого города осознает, что дать афинянам отпор в начавшейся афинской экспедиции на Сицилию можно только в том случае, если весь остров перестанет придерживаться деления по крови и партии, т.е. объединится под началом сильнейшего города, его города. Иными словами, он понимает, что спастись от наступления Афинской империи можно, только создав

⁷⁷ Ср. Там же. III, 39, 3 с III, 40, 4.

⁷⁸ Ср. это с тем, как Фукидид характеризует действия спартанцев при уничтожении Платей (Там же. III, 68, 4).

⁷⁹ О пути Афин к империи и о том, почему империи ничем не отличаются друг от друга, см. речь афинян в Спарте (Там же. I, 72 и 78).

⁸⁰ См. сноску 53.

⁸¹ См. Там же. I, 75-76. О связи мысли Фукидида и Т. Гоббса см. Schlatter R. Thomas Hobbes and Thucydides. *Journal of the History of Ideas*, 1945, vol. 6, no. 3, pp. 350-362. doi: 10.2307/2707297.

⁸² Подробнее о «мелоском диалоге» см. Macleod C. Form and meaning in the Melian dialogue. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1974, vol. 23, no. 4, pp. 385-400.

⁸³ Фукидид. История. V, 105, 1-2. Ср. Там же. I, 76, 2-4; 77, 3-5.

⁸⁴ Там же. V, 89.

империю сиракузскую⁸⁵. Однако его предложение (как и предложение Клеона в свое время) проваливается⁸⁶.

Наконец стоит кратко упомянуть о возможном четвертом принципе деления людей на друзей и врагов, «своих» и «чужих», предлагаемом Фукидидом не в рамках описания истории, но в форме ее изложения. Так, с точки зрения самого автора «Истории», все участники описанных в ней событий делятся на два типа: тех, кто достоин серьезного рассмотрения, – такие устаиваются возможности отличиться не только делами, но и словами, – и тех, кто недостоин его. В первую категорию людей попадают выдающиеся полководцы, демагоги, политики – акторы истории, во вторую – все остальные⁸⁷. При этом, если последним принципом деления людей, осваиваемым государствами, оказывается принцип сильнейшего, т.е. принцип, напрямую связанный с суверенностью интересов отдельного города и их воплощения, то новый принцип деления представляет суверенными уже не коллективы (государства), но отдельные Я. Павсаний, Алкивиад и Фемистокл оказываются столь же суверенными участниками международных (межгосударственных) отношений, как Спарта или Афины. Это особенно хорошо видно на примере Алкивиада. Он, как и его город, способен и готов менять союзников в лице других государств по мере надобности. Он, как и его город, является патриотом самого себя. Он не объединяет свои интересы с интересами города, но поступает наоборот, обращая свои интересы в интересы Афин, Спарты, Персии. Человечность, т.е. уровень проявления в той или иной личности человеческой природы, по Фукидиду получается напрямую связанной с войной и ее масштабами. Это отнюдь не значит, что природа не проявляется в мирной жизни. Однако ее проявление в рамках мира остается подавленным, тривиальным и второстепенным по сравнению с теми пиками человечности, которые можно наблюдать в рамках войны. В этом смысле война оказывается открывающей, демаскирующей человеческую природу. Потому Фукидид считает предельным масштаб Пелопоннесской войны, ибо именно в ней проявление человечности, т.е. природы человека, достигает своего пика⁸⁸.

Заключение

В своем труде Фукидид не просто излагает некие исторические события в некой, пусть и не всегда ясной, последовательности. На самом деле он глубоко заинтересован в объяснении происходящего, в выделении вечных оснований, двигающих человечество к войне, к эволюции принципов войны. Природа человека по Фукидиду

⁸⁵ Там же. VI, 34. Это полностью совпадает с рассказом афинян о том, как появилась Афинская империя (См. Там же. I, 74, 4; 75, 3-76, 1).

⁸⁶ Предложение Гермократа проваливается из-за оппозиции со стороны людей, еще не преодолевших прошлый принцип деления, на что Фукидид прямо указывает (Там же. VI, 35, 2).

⁸⁷ Для более ясного понимания человечности следует детально сравнить данные Фукидидом характеристики попавших в историю деятелей Пелопоннесской войны с данными Фукидидом же характеристиками предшествовавших им деятелей Персидских войн (Павсанием и Фемистоклом) и Троянской войны (Агамемноном).

⁸⁸ С точки зрения Фукидида, Пелопоннесская война превзошла предыдущие войны уровнем проявления человечности как в количественном, так и в качественном аспектах. Троянская война дала лишь одного достойного упоминания человека (Агамемнона), Персидские войны – двух (Павсания и Фемистокла), в то время как Пелопоннесская война серьезно превзошла этот результат.

оказывается радикально индивидуалистичной: сами принципы войны движутся от древнейшего коллективизма (кровной связи) к новейшему индивидуализму (персональному суверенитету), проходя через две стадии – партийную и империалистическую. При этом Фукидид, как кажется, показывает, что данная эволюция всегда в первую очередь затрагивает сознание отдельных и потому выдающихся личностей, чье достоинство напрямую связано с отказом от следования принципам деления людей в силу крови, идеологии, государственных интересов в пользу собственной природы, т.е. от перехода веры в ценность коллектива и его форм к вере в самоценность отдельных представителей коллектива, в ценность отдельных Я⁸⁹. Тем самым Фукидид указывает, что предел войны лежит не в плоскости рас, наций, классов, идеологий, вероисповеданий, государственных интересов, но в плоскости борьбы коллективного и индивидуального, в плоскости борьбы бесчеловечного и человеческого.

Литература

Crane G. *Thucydides and the ancient simplicity*. California, University of California press, 1998. 330 p.

Macleod C. Form and meaning in the Melian dialogue. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1974, vol. 23, no. 4, pp. 385-400

Marcotte-Chenard S. What can we learn from political history? Leo Strauss and Raymond Aron, readers of Thucydides. *The review of politics*, 2018, no. 80, pp. 57-86. doi: 10.1017/S0034670517000778

McQueen A. Political realism and the realist “Tradition”. *Critical review of international, social and political philosophy*, 2017, vol. 20, no 3, pp. 296-313. doi: 10.1080/13698230.2017.1293914

Ober J. Thucydides and the invention of political science. *Brill’s companion to Thucydides*, Boston, VSP, 2006. pp. 131-159

Osborne, R. The erection and mutilation of the hermai. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, 1985, vol. 31. pp. 47-73. doi:10.1017/S0068673500004752

Quinn J. Herms, kouroi and the political anatomy of Athens. *Greece and Rome*, 2007, vol. 54, no. 1, pp. 82-105. doi: 10.1017/S0017383507000058

Romilly J. *Thucydides and Athenian Imperialism*. Oxford, Oxford university press, 1963. 400 p.

Schake K. What causes war? *Orbis*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 449-462. doi: 10.1016/j.orbis.2017.08.002

Schlatter R. Thomas Hobbes and Thucydides. *Journal of the History of Ideas*, 1945, vol. 6, no 3, pp. 350-362. doi: 10.2307/2707297

Strauss L. On Thucydides’ war of the Peloponnesians and the Athenians. Strauss L. *The city and man*. Chicago, The university of Chicago press, 1978. pp. 139-241

⁸⁹ В этом смысле ценность той или иной личности (в противопоставление коллективу) не может измеряться в фактическом ее пути, успехах или достижениях, т.е. не может находиться вне ее самой.

Вебер М. Политика как призвание и профессия. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990. с. 647

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Ксенофонт. *Сократические сочинения*. Москва, АСТ, 2003. с. 19-167.

Ксенофонт. *Лакедемонская полития*. Санкт-Петербург, Гуманитарная академия, 2014. 224 с.

Макиавелли Н. Государь. Макиавелли Н. *Сочинения исторические и политические*. Москва, АСТ, 2004. с. 58

Фукидид. *История*. Санкт-Петербург, Наука, 1999. 590 с.

Шмитт К. *Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2008. 670 с.

Шмитт К. Понятие политического. Шмитт К. *Понятие политического*. Санкт-Петербург, Наука, 2016. с. 293-356

References

Crane, G. *Thucydides and the ancient simplicity*. California, University of California press, 1998. 330 pp.

Macleod, C. *Form and meaning in the Melian dialogue*. In *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1974, vol. 23, no. 4, p. 385-400

Machiavelli, N. *Gosudar'* [Prince], in Machiavelli, N. *Sochineniya istoricheskie i politicheskie* [Political and historical writings]. Moscow: AST Publ., 2004. 819 pp. (In Russian)

Marcotte-Chenard, S. *What can we learn from political history? Leo Strauss and Raymond Aron, readers of Thucydides*. In *The review of politics*, 2018, no. 80, p. 57-86. doi: 10.1017/S0034670517000778

McQueen, A. *Political realism and the realist "Tradition"*. In *Critical review of international, social and political philosophy*, 2017, vol. 20, no 3, p. 296-313. doi: 10.1080/13698230.2017.1293914

Ober, J. *Thucydides and the invention of political science*. In *Brill's companion to Thucydides*, Boston, VSP, 2006. p. 131-159

Osborne, R. *The erection and mutilation of the hermai*. In *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, 1985, vol. 31. p. 47-73. doi:10.1017/S0068673500004752

Quinn, J. *Herms, kouroi and the political anatomy of Athens*. In *Greece and Rome*, 2007, vol. 54, no. 1, p. 82-105. doi: 10.1017/S0017383507000058

Romilly, J. *Thucydides and Athenian Imperialism*. Oxford, Oxford university press, 1963. 400 p.

Schake, K. *What causes war?* In *Orbis*, 2017, vol. 61, no. 4, p. 449-462. doi: 10.1016/j.orbis.2017.08.002

Schlatter, R. *Thomas Hobbes and Thucydides*. In *Journal of the History of Ideas*, 1945, vol. 6, no 3, p. 350-362. doi: 10.2307/2707297

Schmitt, C. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008. 670 pp. (In Russian)

Schmitt, C. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2016. 570 pp. (In Russian)

Strauss, L. *On Thucydides' war of the Peloponnesians and the Athenians*. In Strauss, L. *The city and man*. Chicago, The university of Chicago press, 1978. P. 139-241

-
- Thucydides. *Istoriya* [History]. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1999. 590 pp. (In Russian)
- Weber, M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as vocation]. In Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected writings]. Moskva, Progress, 1990. 647 pp. (In Russian)
- Xenophon. *Lakedemonsskaya politiya* [Constitution of the Lacedaimonians]. Saint-Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 2014. 224 pp. (In Russian)
- Xenophon. *Vospominaniya o Sokrate* [Memorabilia], in Ksenofont. *Sokraticheskie sochineniya* [Socratic writings]. Moscow: AST Publ., 2003. P. 19-167. (In Russian)
-

Thucydides' Principals of War

Mishurin A.N., Institute of Philosophy, RAS

Abstract: In the article, I try to clarify the principals of war, which Thucydides lays out in his *History*. It is well known that Thucydides' work is «a possession for all time» based on the greatest war in human history. This war, from Thucydides' point of view, has fully demonstrated the potential of armed confrontation between men and other forms of human activity connected with it. Starting from a conception of war as a division of men into friends and foes, «us» and «them», I – following Thucydides' own logic – give four principals of this division. Three of them clearly replace each other as the war goes on: from a division by blood, to a division by party, from the division by party to a division based on might or power. The forth principle of division being a division by humanity or human nature potentially rooted in the form of the text itself, i.e. in the division to two kinds of men in history.

Keywords: Thucydides, political philosophy, war, Carl Schmitt, democracy